

ЗНАМЕНИТОЕ ДЕТИЩЕ ФРЁБЕЛЯ: НАРОДНЫЕ ДЕТСКИЕ САДЫ НА ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ УРАЛЕ

На примере уральских губерний рассматривается появление в России детских дошкольных учреждений, которые стали неотъемлемым атрибутом современности. Выявлена роль специализированных периодических изданий в популяризации идей дошкольного воспитания. Результатом этой пропаганды стало возникновение в крупных уральских городах — Перми, Екатеринбурге, Челябинске, Кургане — общественных организаций, мобилизовавших население на создание детских учреждений. Показан опыт устройства «народного» детского сада в городе Уфе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальная работа; дошкольное воспитание; детские дошкольные учреждения; периодическая печать; общественные организации; государственный надзор за воспитанием; семейная политика.

В самом начале XX в. в городах Урала предпринимались попытки воспроизвести получившее большую известность изобретение немецкого педагога Фридриха Фрёбеля — д е т с к и е с а д ы. Проводником его идей в России стало Фребелевское общество и периодическое издание «Детский сад. Педагогический журнал для родителей, наставников и воспитательниц», первый номер которого в апреле 1866 г. выпустили супруги Симонович, практики и идеологи дошкольного воспитания, имевшие «много своих маленьких детей и свой детский сад», опубликовавшие статьи «Что такое детский сад?», «Вырабатывание идеи детского сада», «Об устройстве детских садов в России». Своей главной целью они считали «разъяснение воспитания детскими садами и содействие их распространению». Ко времени появления журнала в Петербурге было 3 детских сада: первый располагался на Васильевском острове и был, вероятно, устроен профессором Люгибелем; второй — в Ковенском переулке; третий — в Гусевом переулке, и, видимо, являлся первым в стране народным детским садом, поскольку «был устроен обществом дешевых квартир для детей тех семей, которые жили в первом доме означенного общества на Лиговке». Увидев, что ребятишки в этом доме «все время толпились в коридорах», общество наняло особую квартиру, пригласило трех руководительниц и «собрало туда детей дошкольного возраста». С 11 до 18 часов их «немного учили читать и писать, но большая часть времени была посвящена играм и работам детского сада». Воспитатели могли ознакомиться с ними в «практической части» каждого номера журнала. На его страницах было опубликовано: 21 рассказ для детей, 18 работ и занятий

в детском саду (с рисунками и чертежами) и описание 16 подвижных игр для детского сада с «нотами соответствующих песенок».

Супруги Симонович определяли детский сад как «воспитательное заведение для маленьких детей от 3 до 7 лет, без различия сословия и пола». Отличительные черты пропагандируемого новшества состояли, по их мнению, в том, что оно «не есть учреждение, в котором дети только играют между собою как дома, не руководимые никем», и «не есть учреждение, в котором имеется только надзор за поведением детей». «Цель детского сада, — утверждали они, — раз в и в а т ь д е т е й т е л е с н о , н р а в с т в е н н о и у м с т в е н н о» (выделено нами. — С. Г.).

Видимо, издание сыграло роль агитатора, пропагандиста и даже организатора. Профессор В. Н. Джонс в 1913 г. вспоминал, что в Томске, (в далекой Сибири) в 1870 г. имелся бесплатный детский сад, «который впоследствии закрылся» [В Томском педагогическом обществе ..., ст. 609]. Начинание долгое время существовало в форме «бесполезной игрушки», а в лучшем случае редкого эксперимента. Симоновичи сами видели трудности в его внедрении, в первую очередь ввиду отсутствия социального заказа на новинку. Богатых, полагали они, отпугнет скромная обстановка садика, матери среднего класса сами водились с детьми, а у подавляющей массы бедного населения «не было сознательного отношения к задачам воспитания», и народ был предубежден «против учреждения, где дети не учатся, а играют». К тому же Россия «проскочила» стадию «дневных убежищ», «школ игр», которые на Западе подготовили почву для детских садов [см.: Пропущенный юбилей, ст. 1—7].

Один из авторов журнала, И. Белов, также считал, что «детский сад по преимуществу учреждается для бедных детей». «Матери их, — рассуждал он далее, — отлучаясь в течение дня на работу, не имеют возможности оставить при детях дома няню, следовательно, и плата за детей должна быть как нельзя более ограниченная». По его сведениям, в Петербурге ее размеры в 4—6 рублей за месяц были под силу людям состоятельным, «а не тем, которые выбивают у судьбы кое-какое существование». Дилемма, по мнению Белова, заключалась в том, что при незначительной плате заведение для детей может держаться только при довольно большом их количестве. Поэтому «н а р о д н ы й э л е м е н т должен пробивать себе дорогу в детский сад». Он надеялся, что «рано или поздно» это педагогическое учреждение «охватит нашу народную жизнь», хотя и оговаривался, что подобная перспектива принадлежит далекому будущему [см.: Белов, с. 521—523]. Приближая это «далекое будущее», Белов написал статью «Каким образом устроить детский сад без специальной подготовки к этому делу» в качестве «посильной помощи» для

людей, «смутно сознающих, по различных статьям и слухам, педагогическое значение» новинки. Он намеревался «объяснить все, что должно входить в состав детского сада»: предметы и пособия, «весь ход занятий в течение целого дня», игры и песни, которые «всего более отвечают назначению» его.

«Помещаться детский сад, по возможности, должен или в нижнем, или в среднем этаже здания». «Комнаты, избранные для сада, должны быть просторны, чисты, с хорошим и вполне достаточным для организма притоком воздуха и света». Воспитателей посвящали в гигиенические требования: их учили рассчитывать кубатуру помещения и указывали нормы количества воздуха для взрослых и детей; поддерживать нужную температуру в нем. «Температура зимой ни под каким видом не должна превышать 13-ти градусов, ибо должно помнить, что дети беготней, быстрым дыханием непременно поднимут температуру на несколько градусов».

Большое значение уделялось устройству комнаты для игр. Она должна была быть «обращена на юг» и, «насколько возможно», быть значительной по объему, «если взять в соображение, что дети должны бегать и играть в ней». Нужно учесть и то обстоятельство, что «в главной комнате находятся гимнастические принадлежности, немало стульев, большой стол и некоторые другие вещи, следовательно, для свободного движения детей должно быть место в запасе». Среди гимнастических принадлежностей назывались: веревочная и деревянная лестницы, гладкий столб, лестница отвесная. Необходимы были также помещения для хранения различных предметов и «просторная и светлая передняя комната».

Обращалось внимание на мебель, предназначенную специально для детей. Стол должен был быть «совершенно прямой, ровный». Скамейки — «подвижные» «сообразно возрасту». Спина и ноги сидящих на них детей должны иметь точки опоры. Детей следовало рассадить «просторно» и следить, чтобы свет на стол падал с левой стороны, а деревья и здания его не заслоняли. Занятия ручными работами должны были проводиться при дневном свете. При свечах они категорически запрещались. При искусственном свете дети могли только петь и играть. В борьбе с так называемой «школьной пылью», которая, по словам организаторов, «убийственно действует на организм», советовали проветривать помещение с помощью форточки, а детей переводить на это время в другую комнату [см.: Белов, с. 374, 376—379].

Занятие в детском саду Белов предлагал начинать летом в 9, а зимой в 10 часов утра. В зимнее время они должны были продолжаться до четырех часов дня, а в летнюю пору, по мнению автора, было бы «гораздо лучше» продлить их до восьми вечера [Там же, с. 521].

Долгое время детские сады действительно существовали лишь на бумаге в качестве некоей утопии, а если открывались, то ненадолго. П. Остроумова в 1915 г. вспоминала: «Помню, лет 20 тому назад я была еще гимназисткой, когда у нас в г. Красноярске открылся детский сад. Общество отнеслось к нему скептически (помню несколько слышанных разговоров: дети просились в сад, а родители отвечали, что это глупая затея, что там можно встретиться с дурными детьми и т. п.), и сад исчез. Были и еще попытки, и все кончались одинаково, только последнее время, когда дошкольное воспитание за границей достигло значительных успехов, стали и у нас интересоваться этим вопросом и открытые после этого “сады” не подверглись скептицизму всего общества, а наблюдались и изучались» [Остроумова, ст. 472]. Внедрение детских садов в жизнь оказалось связанным также с печатным органом под названием «Дошкольное воспитание. Журнал для матерей и воспитательниц». Это издание Киевского общества народных детских садов, появившееся в 1911 г., в своей программе обозначило: «Сознавая, что в России в настоящее время только лишь начинают нарождаться интерес и внимание к организации правильной постановки воспитания маленьких детей и что успех этого дела зависит главным образом, и даже всецело, от общественной инициативы, журнал берет на себя задачу пробуждать и поддерживать эту инициативу».

По примеру киевлян подобные общественные организации стали создаваться по всей России, в том числе в первые годы XX в. и на Урале. В 1905 г. был организован с е м е й н о - п е д а г о г и ч е с к и й к р у ж о к в г. Екатеринбурге, направлением работы которого было устройство детских садов [Микитюк, с. 261—268]. Аналогичные цели ставило перед собой возникшее в г. Челябинске О б щ е с т в о д о ш к о л ь н о г о в о с п и т а н и я. На первых порах своего существования это «молодое» общество столкнулось со значительными трудностями: кроме организационных вопросов, ему пришлось заниматься пропагандой идеи дошкольного воспитания, поскольку «родители не осознавали... важности общего развития ребенка, развития его творчества, мускульных чувств; требовали прежде всего грамоты». Поэтому при создании детского сада челябинцам «пришлось сделать некоторую уступку в этом отношении»: была образована «подгруппа детей, обучающихся грамоте, но при условии, чтобы ребенок предварительно пробыл в детском саду не менее года». «Без этой уступки, — констатировали они, — сад пустовал бы, несмотря на свою общедоступность». Часть детей посещала учреждение бесплатно, остальные платили «от 50 копеек до 3 рублей в месяц» [Московский кружок ..., ст. 54—55]. Летом 1913 г. опыт челябинских общественных деятелей стал предметом доклада М. М. Станиловской «Общедоступный детский сад

Челябинского общества дошкольного воспитания», прочитанного в Обществе содействия дошкольному воспитанию г. Санкт-Петербурга [В С.-Петербургском обществе содействия ..., ст. 311].

Мысль об организации подобного общества в г. Перми возникла у кружка родителей, «принимавших участие в благотворительной деятельности родительских комитетов». Они дали ему название «Светлая юность», в соответствии с которым формулировали и задачи: «подготовку детей, согласно жизненным запросам, воспитание у них крепкого здоровья, сильной воли, высоконравственной души и наделение их ценными знаниями». Причем начинать такую подготовку, по их мнению, необходимо было с раннего детства. Однако скоро выяснилось, что «дошкольное воспитание в Перми находится еще в печальном положении». Желая распространить в обществе идеи о важности нормального воспитания детей, «Светлая юность» стала проводить лекции «по доступной входной цене». Например, в январе 1914 г. состоялось 3 лекции доктора А. В. Владимирского, приехавшего из Санкт-Петербурга. Они прошли «при переполненном зале». Были намечены лекции о детских садах и площадках.

Однако общественники не ограничивались пропагандой и агитацией. Для выполнения задуманного эта «симпатичная» организация устроила детский платный сад, значение которого было особенно важно в качестве «показательного воспитательного учреждения». Это заведение для детей обеспеченных родителей окупало себя «с трудом». Общество занялось организацией народного детского сада, но «очень затруднялось изысканием материальных средств». Данный вопрос «очень остро» был поставлен на общем собрании. Настойчиво раздавались голоса за организацию бесплатного народного детского сада. «Будем надеяться, — писала пресса, — что общество “Светлая юность” не ограничится только благими пожеланиями, но действительно внесет свою лепту в дело организации народных детских садов и даст “светлое детство” детям, у которых оно отнято нуждой и печалями взрослых». Городское же управление и местное земство, от которых зависело финансирование столь затратного мероприятия, «туго поддавались новым начинаниям», были «мало знакомы с задачами и значением детских садов», а «частной инициативе» было трудно работать без поддержки этих учреждений [см., например: Педагогическая хроника, ст. 444; Дошкольное воспитание в Перми, ст. 50—51].

В Кургане из кружка помощи голодающим, который заботился главным образом о детях, выдавая школьникам обеды и организуя дневные (а в исключительных случаях и с ночлегом) приюты, в декабре 1912 г. было образовано Общество внешкольного образования. В наследство от кружка им был принят остаток средств и 30 нуждающихся детей.

Кружковцам за короткое время удалось открыть народный детский сад на 60 детей при двух «садовницах». Дети «оставались в саду до сумерек, получали 3—4 раза в день горячую пищу» [Народный детский сад в Кургане ..., ст. 312].

Рассмотрим перипетии создания и работы уральского народного детского сада на примере г. Уфы. В 1910 г. на ежегодном собрании Уфимского общества народных университетов мысль об учреждении по примеру Самары детского сада «нашла живой отклик». Созвали чрезвычайное общее собрание, на котором Н. А. Шубин сделал сообщение о детских садах и их воспитательном значении. После оживленного обмена мнениями была создана секция детского сада, приступившая к работе 1 сентября того же года. 16 ее членов начали с организации лекций и народных чтений для ознакомления «возможно широких кругов населения... с идеей детских садов, дошкольного воспитания». Из Московского лекционного бюро пригласили Кулжинского, который прочел в Уфе две лекции: «О воспитании» и «О детском саде» [см.: О деятельности секции детского сада ..., с. 4—5, 7].

Главной же целью стало открытие в ближайшем будущем детского сада на принципах «свободного воспитания» и «общедоступности». По годовой смете для этого требовалось 2700 рублей. В первый год существования учреждения сумму предполагалось собрать «главным образом путем энергичного приглашения всех сочувствующих к пожертвованиям и путем организации всяких спектаклей, кинематографических сеансов и прочих “благотворительных” предприятий». В будущем на помощь детям, полагали в секции, «должны прийти наши общественные учреждения». Реальная жизнь скорректировала ожидания. «...С каким трудом секции удавалось добывать необходимые для нее средства, как мало еще вошла в сознание общества идея необходимости организации детских садов, какой слабый отклик, какое слабое сочувствие встречает наше дело», — отмечали общественные деятели в отчете. Тем не менее они настаивали на том, что народные сады становятся общественной необходимостью и потребностью, «неудовлетворение которой влечет за собой тяжелые для всего общества последствия». «Они должны, они не могут не появиться на почве общественной жизни, с неумолимой жестокостью рока разрушающей семью, выгоняющей из дома и отца, и мать, оставляющей детей без призора, без ласки, без достаточного количества воздуха и пищи», — убеждали окружающих члены секции. Несмотря на все трудности, открытие сада было намечено на октябрь 1911 г. «Уже снята квартира, уже приглашены руководительницы...» — рапортовали они в отчете [О деятельности секции детского сада ..., с. 5—6, 8].

Избрав в августе 1911 г. новое правление, секция «вменила ему в обязанность во что бы то ни стало открыть народный детский сад». Было решено обратиться в губернское земство и городскую думу с ходатайствами о пособиях, «не останавливаясь, наконец, в крайнем случае перед займом, но — народный детский сад открыть».

Заветная цель осуществилась 14 октября 1911 г. По предварительной записи в детский сад попали ребята в возрасте от 5 до 9 лет — 15 девочек и 25 мальчиков. Эти 40 человек были детьми портных, плотников, мелких торговцев, чернорабочих, домашней прислуги и бывших железнодорожных служащих. Большинство родителей были в основном благодарны «за то, что есть присмотр за детьми и что их в детском саду кормят». Лишь жена бывшего начальника станции сказала, что она отдала детей для их всестороннего развития. Руководительницы, О. Д. Долгова, которой было поручено заведывание хозяйственной частью сада, и Е. Д. Стрежнева, разделили осмотренных доктором Д. Н. Поповым детей на две группы по возрасту и развитию. В состав младшей вошли дети 5—6 лет, старшей — 7—8 лет.

В распоряжение детского сада была предоставлена большая светлая квартира из 8 комнат. Две комнаты служили для занятий с детьми, одна большая — для игр, были еще столовая, кухня, прихожая, комнаты для руководительницы и заведующей хозяйством, а также комната для прислуги. В помещениях для занятий с детьми стояли низкие столы и стульчики. В комнате для игр располагались старый рояль, а по стенам — скамейки, в столовой — три длинных стола со скамейками. Стены украшали картины работы руководительниц.

К 9 часам утра дети собирались, мыли руки, получали кусок хлеба, съедали его в столовой и шли заниматься. Занятия с перерывами продолжались до 11 часов. Затем завтракали разными «кашицами»: гречневой, рисовой, ячневой, полбенной или гороховой. По предписанию доктора почти все получали рыбий жир. После завтрака до 12 часов полагался перерыв, во время которого дети занимались самостоятельно. С двенадцати до часу дня — момента закрытия садика — снова шли занятия. «За отсутствием у детей крепкой обуви и теплой одежды» прогулки не устраивали. На Рождество в помещении детского сада для них была устроена елка, и с 22 декабря по 7 января они были отпущены на рождественские каникулы.

Занятия начинались с любимого детьми создания очередной страницы календаря. При чтении вслух педагоги испытывали трудности с подбором подходящей литературы. «Кроме сказок, не могла ничего читать детям, разве два-три рассказа, потому что другой подходящей литературы

для этого состава детей не находила», — признавалась Стрежнева. «Вся другая детская литература, которую мне пришлось читать, не подходит для детей народа», — считала она. Однако чтения приходилось устраивать часто. Вначале как на беседах, так и на чтениях детская аудитория не задавала вопросов. «В конце же, — отмечала Стрежнева, — они часто без моей инициативы пускались в рассуждения». «По поводу прочитанного, — продолжала она, — у нас много было разговоров. По ассоциации дети вспоминали моменты своей жизни и рассказывали». Однажды девочка меня спросила: «зачем собачники ловят и убивают собак, ведь это нехорошо?». Во вторую половину года беседы «слились» с чтением. Воспитанники полюбили беседы по картинам и чучелам, которые брались из музея наглядных пособий при Обществе народных университетов.

После бесед, чтения и других работ они «всегда высказывали желание рисовать. Им было необходимо запечатлеть воспринятое как-нибудь, и дети, должно быть, находили форму рисования наиболее желательной». Рисовали больше на темы из прочитанного, было много рисунков «своей фантазии». Пользовались простыми, а затем цветными карандашами. «Вначале дети, — сообщала Стрежнева, — нисколько не смущались рисовать дом, у которого труба больше дома, и др. К Рождеству такие рисунки редко можно было встретить, если и случались, так сейчас же критиковать начинали. Часто приходилось слышать: “ты не залезай дугойто в небо” и др. подобные замечания». С таким же интересом они занимались лепкой. Особенно охотно лепили «на темы из прочитанного или беседы: животных, дома, целые группы различных предметов». Для развития моторики практиковались вырезание ножницами фигурок из бумаги. В первое полугодие не совсем удачно пробовали работать с горохом: «сильно мешала» его «съедобность и хрупкость». Два дня в неделю в обеих группах устраивались свободные дни, когда дети сами выбирали материал для работ и «делали, что хотели».

Для физического развития питомцев детского сада были занятия гимнастикой. Вначале дети занимались из любопытства, но постепенно упражнения стали им нравиться. «Нежелание детей играть» сильно печалило педагогический персонал. «Игра для меня, — признавалась Стрежнева, — является воспитанием в детях общности». Постепенно в перерывах малыши начали самостоятельно устраивать игры, сильно увлеклись игрой в мяч и «незаметно для себя перешли к подвижным играм». В большой перерыв они играли самостоятельно, часто пели под аккомпанемент рояля и плясали. «Плясали кто как умел. Веселья было много. В перерыве дети бегали, играли, веселились, но все это делалось

без оглушительного шума», — вспоминали воспитательницы. Отмечали они и особенность восприятия танцев детьми «из народа»: «плясали не иначе как ряженые. Мальчики надевали платки на головы, девочки шапки, некоторые еще варежки на руки и плясали русскую. Однажды двое мальчиков намазали лица сажей, чем и привели детей в восторг».

О методах воспитания в народном детском саду свидетельствует следующая сценка. «Случалось мне иногда прочитывать нотации, — признавалась Стрежнева, — но никогда они действия не оказывали. Стоишь перед ребенком и говоришь ему, говоришь, а он вдруг спрашивает: “А у нас, Елизавета Дмитриевна, какая каша на завтрак, рисовая?”». Воспитательницам удалось вернуть маленьким горожанам детство, создать радостное настроение у них и даже в их семьях: «Сколько радости было у ребят, когда придут из сада, все расскажут, всякую сказку. Они радуются, и мы, глядя на них, радуемся, больше у нас и радости нет», — делилась впечатлениями одна из родительниц. За время работы в садике возник коллектив. «Дети не только сообща работали, но думали и переживали вместе», — подводили педагоги итоги своей работы [Стрежнева, с. 12—26, 28]. Продолжить начатое им не удалось: в связи с ухудшением финансового положения секция в следующем году «была вынуждена отказаться от мысли организовать зимний детский сад». Возможно, подобная ситуация возникла и в силу «равнодушия, проявленного громадным большинством» ее членов «к внутренней жизни детского сада». Правление не считало возможным «обойти молчанием» этот «крайне печальный» для него факт. Еще через год в отчете прозвучало, что волей-неволей вновь приходится отказаться от такого дорогостоящего начинания [см.: О деятельности секции детского сада ..., с. 3, 5, 10].

В апреле 1913 г. в Уфе существовали, кроме того, детские сады Шкляевой и Федоровой [см. об этом: Стрежнева, с. 18]. Осенью того же года Общество внешкольного воспитания предполагало устроить в г. Кургане платный детский сад. Кроме него, в этом городе был уже открыт детский клуб для детей интеллигентных родителей [Народный детский сад в Кургане ..., ст. 312]. В екатеринбургских газетах в начале учебного года также можно было встретить объявления, касающиеся «частных» детских садов. «Голос Урала» в 1912 г. сообщал, что «1 сентября возобновляются занятия в детском саду и подготовительной школе М. К. Желиговской». По сведениям «Зауральского края», это учреждение действовало до бурных событий зимы 1917 г. «Детский сад и подготовительная школа Желиговской закрыта. Занятия прекратились 18 декабря, раньше роспуска на рождественские каникулы, вследствие самовольного захвата части помещения хозяевами дома, ссылающихся на постановления Совета солдат-

ских и рабочих депутатов», — извещала газета [Голос Урала, с. 2; см. также: Зауральский край, с. 1].

Несмотря на убеждение И. Белова в том, что в садике «дети должны проводить время с удовольствием», первые адепты дошкольного воспитания описывали новое учреждение, используя дисциплинарный дискурс. «Порядок, — отмечал И. Белов, — есть душа всякого педагогического учреждения. Не может держаться без него и детский сад. Необходимо составить расписание занятиям на каждый день и каждый час, от которого никак не следует отступать без крайней нужды. Иначе в саду будет царствовать страшная бестолочь: сегодня начнется одно и не кончится; завтра другое равным образом останется недоделанным. Беспорядок в нем невольно отразится на детях, между тем как существенная задача детского сада в том и заключается, чтобы подготовить детей к принятию впоследствии всех добрых качеств, дальнейшее развитие которых должно сделаться задачей школы и жизни». И далее: «Всякое занятие в детском саду только тогда принесет пользу, когда учительница будет в состоянии сказать сама себе, что дети действительно вполне привыкли к порядку, что они, вполне согласно с своим возрастом, исполняют всякое дело отчетливо и до конца» [Белов, с. 522, 530]. Его статья пестрит выражениями типа: «садовница командует и дети бегут...», «садовница хорошо сделает, если будет заставлять детей...», «прежде чем позволить им...», «нельзя же их всех вести на реку, озеро и заставлять удить», «если в ином саду найдется прудок, то он должен быть тщательно огорожен и совершенно недоступен детям».

На иных принципах была построена опубликованная в 1912 г. «Программа занятий в детском саду» К. Маевской «Допустимо все, — писала она, — что создается само собой и делает детский сад более похожим на дружную семью, чем на школу» [Маевская, ст. 363]. С ней было солидарно московское общество «Детский труд и отдых»: «Наша задача не учить, не давать знание, а дать детям детство. Если можно уловить у нас систематичность, то только в наблюдениях и выводах. Дети этого не видят и не чувствуют и живут полной жизнью. Работа тесно связана с игрой и индивидуальной, и общей» [В московском обществе ..., ст. 41—42].

Автор киевского журнала «Дошкольное воспитание» — правда, в беллетристической форме, однако эмоционально точно — определила значение дошкольного учреждения для детей народа: «Слава Богу, у нас есть детский сад — туда стекаются целые толпы бледной городской бедноты; там они играют, занимаются, — там они не знают ни колотушек, ни окриков, встречают только любовь и ласку. Если взять только этот красивый и радостный для детей момент, то и он будет для них, не знающих настоя-

щего детства, ярким лучом в их будущей тяжелой жизни. А ведь в детском саду таких радостных дней много: вся жизнь детей здесь — радостный труд и отдых после неприглядной и некрасивой жизни дома — без призора, без ласки, без радости. Родителям этих детей не до ласки, не до радости: жизнь их — тяжелая беспросветная страда! Хорошо все-таки, что есть детский сад! Хотя небольшая часть всех страдающих от бедности и беспризорности облегчена и пригрета и в маленькие души брошено зерно чего-то хорошего и высокого. Не может быть, чтобы это хорошее и высокое бесследно погибло!» [Н, ст. 235, 237].

Белов И. Каким образом устроить детский сад без специальной подготовки к этому делу // Детский сад. 1872. № 6—8. С. 372—379; № 10/11. С. 521—551.

В Московском обществе «Детский труд и отдых» // Дошкольное воспитание. 1915. № 1. Ст. 41—42.

В С.-Петербургском обществе содействия дошкольному воспитанию // Дошкольное воспитание. 1913. № 5. Ст. 311.

В Томском педагогическом обществе // Дошкольное воспитание. 1913. № 9. Ст. 609.

Голос Урала. 1912. № 174. 22 авг.

Дошкольное воспитание в Перми // Дошкольное воспитание. 1914. № 1. Ст. 50—51.

Зауральский край. 1917. № 205. 21 дек.

Маевская К. Программа занятий в детском саду // Дошкольное воспитание. 1912. № 6. Ст. 361—369.

Микитюк В. П. Екатеринбургский семейно-педагогический кружок // История как ценность и ценностное отношение к истории : в 2 ч. Ч. 2. Екатеринбург, 2010. С. 261—268.

Московский кружок совместного воспитания и образования детей // Дошкольное воспитание. 1912. № 1. Ст. 54—55.

Н. Контрасты : (Картинка с натуры) // Дошкольное воспитание. 1913. № 4. Ст. 234—237.

Народный детский сад в Кургане при Обществе внешкольного воспитания // Дошкольное воспитание. 1913. № 5. Ст. 312.

О деятельности секции детского сада уфимского Общества народных университетов за время с 1 сентября 1910 г. по 1 сентября 1911 г. // Кассовый отчет Правления секции детского сада уфимского Общества народных университетов за 1910—1911 г. Уфа, 1911. С. 4—9.

О деятельности секции детского сада уфимского Общества народных университетов // Секция детского сада Уфимского Общества народных университетов : отчет за 1911/12 год. Уфа, 1913. С. 3—7.

Остроумова П. Ответ П. Первову // Дошкольное воспитание. 1915. № 6/7. Ст. 472.

Педагогическая хроника // Дошкольное воспитание. 1913. № 7. Ст. 444.

Пропущенный юбилей. (50 лет первого русского журнала по дошкольному воспитанию) // Дошкольное воспитание. 1917. № 1—2. Ст. 1—7.

Стрежнева Е. Д. Отчет о первой выставке детских работ, устроенной сек-

ций детского сада Общества народных университетов в Уфе с 15 по 20 апреля 1913 г. // Секция детского сада Уфимского общества народных университетов : отчет за 1912/13 год. Уфа, 1913. С. 16—21.

Стрежнева Е. Д. Отчет о работе в народном детском саду // Секция детского сада Уфимского Общества народных университетов : отчет за 1911/12 год. Уфа, 1913. С. 12—28.

УДК 94(470.5).05/06

А. С. Криворучко

СЕРБЫ НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Рассматривается история проживания на Урале в первой половине XVIII в. сербов, сербской диаспоры. Приводится история жизни одного из представителей сербов. Публикуется протокол, в котором серб Дмитрий Милутинович отразил свое представление о русских.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сербы; международные отношения; Урал; винокурни.

История отношений между Россией и Юго-Восточной Европой насчитывает века. Это объясняется необыкновенным духовным родством: население Балканского полуострова в большинстве своем православное. А кроме того, политическими связями, начало которых относится к середине XVII в. Поиск помощи в борьбе с завоевателями заставил славянских паломников прийти в Москву.

С тех времен, когда юго-восточные славяне, пришедшие с обозом послов в столицу государства, увидели Россию, стали появляться их первые свидетельства. К таким первопроходцам можно отнести Ю. Крижанича, П. Соларич. Позднее на российской службе находилось много представителей юго-восточных славян, занимавших высокие посты в российском государстве: Савва Лукич Владислав-Рагузинский (иммигрировавший граф Владиславич), Иван Хорват, братья М и Г. Милорадовичи, Райко Прерадович и др. [Славянские народы ..., с. 61].

Статья посвящена сербской диаспоре на Урале. Первые сведения о сербах на Урале относятся к 30-м гг. XVIII в., о чем в своей книге пишет Н. С. Корепанов:

В Екатеринбурге тогда появился поверенный какого-то невысокого чина из Малороссии, купец «сербской природы» Дмитрий Милутинович. О застольях в доме Геннина упоминается в документах крайне редко, но это как раз такой случай. Собрались сам генерал, генеральский адъютант Александр Уваров, ассессор Рудаковский и этот самый Милутинович. Все дела сделаны, скоро в столицу, настроение благодушное. Разговор зашел об иных странах